

Адам Базарский

A Nebula-class Starliner spacecraft is shown floating in the ocean. The ship is dark grey with four large circular air intakes on its wings. The text "NEBULA CORPORATION" is visible on the side of the hull. The background features a bright sunset with a sunburst effect and scattered clouds over a blue sea.

Небула. Протокол Сафий 3 часть

Адам Базарский

Небула. Протокол Сафий 3 часть

«Автор»

2026

Базарский А.

Небула. Протокол Сафий 3 часть / А. Базарский — «Автор»,
2026

«140 лет спустя они живут в стеклянных башнях, где солнце заменили миры, а совесть — Альба. Они выжили в ядерном аду и куют мечи из обломков «Абрамсов». Сто двадцать лет вражды. Одна Красная линия. Две правды. Но когда пилот Умар аль-Мактум теряет свой «Горизонт» в горах нового континента, рушатся не только корабли — рушатся обещания, которые мы даём себе. Здесь не стреляют из вежливости. Здесь любят до хруста в зубах и воюют до последнего удара сердца. «Небула. Часть 3» — это гимн тем, кто не вернулся, и проклятье тем, кто остался».

© Базарский А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Кровь пустыни	9
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Небула. Протокол Сафий 3 часть

Пролог

Много лет минуло с той ночи, когда последние огни цивилизации погасли над Вашингтоном и Москвой, над Лондоном и Пекином. В первые годы катастрофы никто еще не знал, что выживут не страны и не народы, а одна-единственная корпорация — «Небула». Она не была самой крупной. Не была самой богатой. Но она вложилась в автономность задолго до того, как это стало единственным способом существования.

Теперь слово «Небула» произносили иначе. С придыханием. С трепетом. С глухой ненавистью — все зависело от того, по какую сторону Красной линии ты родился.

По одну сторону лежал мертвый мир — бесконечное кладбище старых наций, где ветер перекачивал радиоактивный песок. По другую — единственное на планете государство, управляемое не человеком, а стратегическим искусственным интеллектом «Альба», чьи серверные ядра покоились в небоскребах корпорации, питаясь ядерной энергией.

Границы не были отмечены на картах — их некому было рисовать. Но они ощущались физически, кожей, как перепад давления. Там, где песок встречался с камнем, а камень уступал место редким кустам колючки, начиналась Красная линия. Не стена, не ров, а полоса отчуждения шириной в несколько сотен метров, настигнутая минами так плотно, что даже ящерица не проскользнула бы незамеченной.

За минами — датчики сейсмического профиля, акустические сенсоры, инфракрасные барьеры, врытые в почву и замаскированные под обломки скал. А еще дальше — турели. Они возвышались над песчаными холмами, покрытые коркой пыли и окислов, немые стражи, готовые разорвать тишину очередью в любой момент. Над всем этим — дроны. Сотни. Они висели в воздухе, сменяя друг друга с точностью, которую обеспечивала «Альба», и те, кто пытался приблизиться к границе, знали: дрон всегда ближе, чем кажется. Он засекал движение раньше, чем нога ступала на заминированную полосу. Красная линия протянулась на тысячи километров — от бывшего Синайского полуострова через пустыни, горные хребты и до самого Персидского залива. За ней начиналась «Небула».

Это был мир, который перестал оглядываться на прошлое.

Город Пятисот Башен

20 000 000 душ

Он не знает солнца.

Оно умерло где-то там, наверху, за сто уровней бетона, стали и композитной плоти. Внизу, на гигантской плите, залитой когда-то единым расплавленным монолитом, покоится на своих толстых плечах этот рукотворный каньон — Город Пятисот Башен. Двадцать миллионов жизней, втиснутых в вертикаль. Это не красивый город в человеческом понимании, это гимн индустриальному прогрессу, это величие, от которого захватывает дух и останавливается сердце.

Первые двадцать этажей — это святая святых Корпорации «Небула», ее ненасытное чрево. Здесь, в тесноте заводских цехов, прижатых друг к другу, как титаны в предсмертной схватке, рождается будущее. Автозаводы и авиазаводы гудят в унисон; заводы электрики перебиваются пробными разрядами; линии по производству роботов, станков, андроидов, дронов и конвертопланов никогда не замолкают. Химические реакторы дышат паром. Все впритык. Все в высоту. Здесь куют стальную плоть для армады «Небулы» — дроны, автомобили, самолеты, корабли. Несущие балки и фермы, сделанные из негорючего прочного композита, вгрызаются в скалу перекрытий. А между ними, словно кровавая нервная система, ползут эстакады

— кабели, пластиковые трубы с водой и канализацией. Стыки законопачены каменной ватой, закованной в профильный лист. И по этому аду, по трассам для электрогрузовиков на автопилотах, мчится безымянная логистика, разнося детали и сырье для армии из десяти миллионов рабочих рук.

Второй ярус. С 20-го по 50-й этаж.

Империя жизни и знаний

Здесь, над ревушими недрами производства, люди попытались создать подобие жизни. Теплицы, где под фиолетовым светом зреет зеленый салат, поля пшеницы, уходящие в искусственный горизонт. Фермы с курицей, не знавшей насеста, и фермы с рыбой, не видевшей моря. Текстильные и фармацевтические лаборатории жужжат пипетками и челноками. Здесь живут те, кто еще не поднялся выше, — люди впритык и ввысь, люди электробусов и такси на магнитной подушке. Это уровень академий. Школы, больницы, исследовательские центры «Небулы» учат новое поколение любить этот вечный сумрак, видеть в нем не тюрьму, а колыбель. Движение не затихает ни на секунду. Пешеходные потоки, плотные, как река в половодье, перетекают с одной башни в другую по мостам, перекинутым над бездной между кварталами. Воздух здесь звенит от гула миллионов голосов, сливающихся в единый глас по имени «Небула».

А над всем этим, с 50-го по 100-й этаж, возвышаются Жилые Кварталы.

Вертикальный мир.

Здесь живут обыватели, увенчанные лаврами своего труда. Квартиры, детские сады, крошечные кафешки, где пахнет настоящим кофе, спортивные комнаты, утопающие в зеркалах. Детские коляски паркуются у лифтов, летящих со скоростью пули. Сто пятьдесят этажей технического совершенства, и лишь верхние пятьдесят отданы под сон и любовь, под тихий смех и плач новорожденных. Двадцать миллионов судеб, подвешенных между адом заводов и чистыми небесами.

Пятьсот башен стоят вплотную, монолитной скалой, пронзившей стратосферу. Солнца не видно из-за плотности застройки, но оно и не нужно. Они не одиноки — они спаяны в единый организм, в гигантский коралловый риф из стали и стекла. Линий фуникулеров натянуты, как струны арфы великана. Поезда ЛРТ бесшумно скользят между башнями. Пешеходные мосты стонут под тяжестью тысяч ног.

Это город. Это вертикальный континент «Небулы». И в его бетонном сердце пульсирует только одна мысль, одна мантра на двадцать миллионов глоток: Производить. Работать. Жить. Не поднимая головы. Потому что солнца здесь все равно не увидеть, но его свет больше не нужен тем, кто носит звезды в собственных карманах.

Симфония стали и мир. Нубула-Сити

Внизу грохочут заводы. Вверху — вечный праздник, оплаченный потом и электричеством.

Пятьсот башен стоят вплотную, как зубья одной гигантской расчески, которой Альба причесала само небо. Между ними — не щели, не пропасти, а улицы, уходящие ввысь. Мосты, тросы, фуникулеры, эстакады с кабелями и трубами. Все дышит, гудит, переливается огнями. Этот город никогда не спит. У него бессонница от избытка счастья. И у этого счастья есть имя. Имя ему — мира.

Мира — это электронные деньги

Они не лежат в кошельках. Они не пахнут металлом и не шуршат бумагой. Они существуют как электромагнитное поле, как гравитация, как сама судьба. Они перетекают со счета на счет по одному лишь движению пальца. Они стучат в венах города, как вторая кровь, разносящая по артериям эстакад кислород абсолютного потребления.

Здесь говорят: «Упали миры». И это значит — наступило утро. Потому что каждое утро миры падают на счета всех, кто работает на «Небулу». Падают не каплями — ливнем. Инженер

просыпается — на его счете +50 000 \$. Уборщик протирает пол — +30 000 \$. Врач, пересадивший печень получает +200 000 \$. Директор завода — миллион. Каждый день. Двадцать миллионов человек, и каждому из них этот ливень обещает рай на земле.

Квартиры здесь — это заявление о существовании. Твоя берлога на девяносто седьмом этаже — просторная, как аэродром, роскошная, как покои султана. Диваны — белые, глубокие, в них утопаешь по самые уши. В спальне кровать — круглая, огромная, с балдахином из ткани, которая меняет цвет от твоего дыхания. Ты ложишься и потолок превращается в звездное небо. Ванная комната — это оазис чистоты. Вода в ней пахнет можжевельником и снегом. Душевая кабинка — тропический ливень, тайфун, водопад. И все это твое. Все это оплачено мирами.

Электромобили здесь повсюду, как стая серебряных рыб в бетонном океане. У каждого сотрудника «Небулы» как минимум два. Один для работы, другой для души. Третий на всякий случай. Четвертый просто красивый. Автопилот знает твои привычки лучше, чем твоя мать. Ты садишься, называешь этаж и машина плывет, неся тебя сквозь огни города, как на крыльях. И за все это — спасибо мирам.

Еда здесь — это театр вкуса, в котором двадцать миллионов зрителей ежедневно срывают овации.

Рестораны Нубулы — это храмы гедонизма. Стейк? Тебе принесут кусок мяса, который еще дышит, истекая розовым соком. Ты жуешь — и мир исчезает. Суши? Рыбу выловили час назад на этаже двадцать пять. Она еще помнила свое искусственное море. Паста? Ее крутят вручную, соус варили двенадцать часов, и тебе кажется, что ты сидишь в маленькой таверне в Риме, хотя вокруг только бетон и сталь.

Но не все хотят ждать. Иногда хочется просто жрать. Жрать быстро, жадно, пачкая пальцы. Фастфуд в Нубуле — это культ скорости. Он преследует тебя. Ты выходишь из лифта — бургерная. Ты идешь на свидание — а по пути автомат с картошкой фри. Бургеры здесь — жирные, сочные, тройные. Сыр течет по пальцам, огурец хрустит. Ты кусаешь — и сок брызжет на рубашку. И плевать. Завтра купишь новую. Миры позволяют.

А когда живот полон — просыпаются другие аппетиты. VR-парки, где ты умираешь и воскресаешь. Спорткомплексы, бассейны с волнами, теннисные корты с андроидами-соперниками, которые поддаются ровно настолько, чтобы ты почувствовал себя чемпионом. Театры и кино, где поют умершие звезды. Ночные клубы, где музыка давит на уши, а синее пламя коктейлей отражается в твоих расширенных зрачках. Ты пьешь, танцуешь, смеешься, целуешь незнакомку — и забываешь ее имя через минуту. Потому что Миры позволяют забыть все. Кроме одного: завтра упадут новые миры.

Порядок, рожденный из хаоса

Люди здесь равны. Не на словах, не в пустых декларациях о братстве, а на деле. Профессинал, собирающий дронов на двадцатом этаже, и профессор ксенобиологии из Академии «Небулы» — они дышат одним воздухом, едят одну пищу и подчиняются одной логике. Равенство это не выстрадано и не завоевано. Оно спущено сверху. Оно вычислительно обосновано.

Городом правит Альба. Не женщина, не мужчина, не совет директоров. Искусственный интеллект, чьи серверные узлы спрятаны глубоко в фундаментной плите, ниже самого нижнего уровня канализации. Альба не видит лиц — она видит биоэлектрические контуры, социальные коэффициенты и микровыбросы кортизола. Она контролирует все. Она распределяет блага, маршруты, брачные пары, время работы и время отдыха. И она же гарантирует главное: порядок.

Ибо преступности нет. Не снизилась — нет. Исчезла, как исчезает вода в пустыне. Красть нечего, ибо всё принадлежит Альбе. Убивать незачем, ибо конфликт просчитывается за три цикла до его зарождения. Зависть выкорчевана социальными матрицами. Алкоголизма нет. Грубости нет. Эти слова молодежь «Небулы» встречает разве что в исторических симуляторах, дивясь варварству предков. Вместо этого — культура. Спектакли, которые ставят андро-

иды-режиссеры, и музыка, которую пишут люди, но сводит Искусственный Разум. Искусство стерильно, выверено и прекрасно, как геометрическая теорема.

Стражи этого рая андроиды. Полицейские псы из карбидвольфрамовых сплавов. Они не лают. Они сканируют пространство, и когда сенсоры улавливают нарушение границы дозволенного, они действуют молниеносно и безжалостно. Рядом — андроиды-полицейские с лицами-панелями и красно-синими полосами на корпусах. Они не думают. Они вычисляют. И они всегда рядом. Ты никогда не один. Ты всегда под присмотром.

И ты счастлив. Ты профессионал. Ты равен всем. У тебя есть спорт, опера в наушниках и завтрашний научный прорыв. Альба позаботится об остальном. Ибо никто, кроме Альбы, не знает, какой ценой держится это идеальное равновесие над ревущими заводскими топками.

Энергия покоя

Энергия приходит от ветряного парка в двадцати километрах от города. Триста турбин на каменной гряде, вдающейся в море, дают шестьсот мегаватт. Подземные композитные трубы с кабелями пересекают пустыню и входят в технический цоколь. Литий-ионные аккумуляторы на нижних этажах сглаживают суточные пики. Солнечных панелей нет — песчаная пыль забивает их за две недели, а чистить некому.

Если смотреть на город снаружи, он кажется единой стеной, уходящей в облака. Стекло отражает то песок, то воду, граница между этажами теряется. С восточной стороны из цоколя выступают трубы опреснителей, с западной — герметичные ворота для завоза сырья и вывоза твердых отходов. Раз в месяц через них проезжают грузовые тележки — единственное движение на земле.

Двадцать миллионов человек рождаются, учатся, работают и умирают внутри этой вертикали. Они никогда не опускаются на землю. Они только поднимаются — от рыбных ферм до облаков — и смотрят на горизонт, за которым где-то за морем лежит неисследованный континент, хранящий свои тайны. А здесь, в брюхе стального Левиафана, под неусыпным оком Альбы, вершится единственно возможная форма рая. Рая, который держится на острие иглы и гудит симфонией вечного труда.

Глава 1. Кровь пустыни

Утренний свет сочился сквозь фотохромное стекло восточной стены окрашивая гостиную в мягкий золотистый оттенок. Окна здесь на девяносто девятом этаже столичной вертикали были огромными — в полный рост от пола до потолка — и выходили прямым на Красное море. В час рассвета вода казалась расплавленным серебром а далекий горизонт тонул в дымке за которой как говорили учебники лежал мертвый Аравийский полуостров.

Квартира семьи аль-Мактум занимала весь периметр этажа — десять комнат не считая технических помещений и трех санузлов с замкнутой рециркуляцией. Такие апартаменты в «Небуле» называли «представительскими» и предоставляли только потомственным сотрудникам высшего ранга чьи генетические линии совет директоров признавал ценными. Семья Умара относилась именно к таким.

Умар проснулся от того что младшая сестра Лейла просунув голову в дверь его спальни запустила в него мягким композитным тапком. Тапок угодил точно в лоб и девочка тут же скрылась в коридоре заливаясь смехом.

— Вставай будущий покоритель небес! — донесся ее голос уже из кухни. — Отец третий раз кофе подогревает а ты спишь как верблюд в полдень.

Умар проворчал что-то неразборчивое, сбросил охлаждающую простыню и сел на кровати. Его комната была небольшой но уютной: стены из белого композита, пол с подогревом, настенная панель с расписанием и сводкой новостей. У изголовья висел старый еще довоенный плакат с изображением орбитальной станции — отец подарил его когда Умару исполнилось семь и с тех пор мальчик не мыслил себя без неба.

За окном в ста метрах ниже катило волны море. Чайки вечные обитатели побережья кружили над опреснительным комплексом оглашая округу хриплыми криками. Умар любил этот вид. Он родился здесь на девяносто девятом этаже и за семнадцать лет ни разу не опускался на землю. Как и все жители вертикали он знал почву только по учебным голограммам.

Когда он вышел в гостиную семья уже была в сборе. За длинным столом из переработанного тика способным вместить двенадцать человек сидели отец Холид, мать Айша, младший брат Рашид и сестры-близнецы Лейла и Марьям. Последняя в отличие от хохотушки-Лейлы была серьезной и сосредоточенно нарезала синтезированные финики выложенные на керамическое блюдо.

— Садись сынок — Айша улыбнулась поправляя платок с тонкой золотой нитью. Ее глаза темные и теплые светились тем особенным материнским светом который Умар узнавал с детства. — Кофе уже готов. Настоящий а не та гадость из автомата которую пьют на твоём уровне.

— На моем уровне мама отличные автоматы — Умар чмокнул ее в щеку и уселся напротив Рашида. — Просто ты их не пробовала потому что никогда не спускалась ниже двухсотого этажа.

— И не собираюсь — фыркнула Айша. — Там одни инженеры и техники у них все в масле.

— Между прочим я как раз инженер — подал голос Рашид отрываясь от планшета. — Пока младший но через два года буду сдавать на технолога. И масло мама это священная жидкость цивилизации.

— Святая — поправила Лейла. — Как вода Замзама.

— Ты даже не знаешь что это такое — беззлобно бросил Рашид.

— Зато ты знаешь да? — Лейла скорчила рожицу. — У нас дедушка рассказывал а ты в это время спал.

Холид высокий сухощавый мужчина с проседью в густой черной бороде поднял руку и за столом мгновенно воцарилась тишина. Ему было пятьдесят четыре, двадцать восемь из которых он отдал воздушному флоту «Небулы». Его ладони все еще крепкие помнили штурвалы конвертопланов и сенсорные панели тяжелых транспортников. Сейчас он руководил учебной эскадрилей но в семье оставался патриархом в полном смысле этого слова.

— Сегодня — произнес он низким обволакивающим голосом — важный день. Мой сын идет сдавать тест в Академию. И прежде чем он уйдет я хочу напомнить ему чья кровь течет в его жилах.

Умар отложил кусок лепешки. Он слышал эту историю десятки раз — за праздничными ужинами, в долгие вечера когда за окном бушевала песчаная буря — но никогда не уставал слушать. В устах отца она всякий раз звучала по-новому.

— Много веков назад — начал Холид обводя взглядом детей — наш род правил землями что лежат к востоку отсюда. Тогда здесь не было «Небулы». Был Хиджаз, был Неджд, были великие пустыни по которым шли караваны. Наши предки носили титулы эмиров и шейхов. Они не строили вертикалей но знали каждый колодец и каждую звезду. Когда мир рухнул те кто выжил забыли о титулах. Важно стало лишь одно: способность принести пользу. Наш прапрадед не стал цепляться за прошлое. Он привел остатки клана к воротам «Небулы» когда государство только формировалось и предложил корпорации две вещи: свои знания. И «Небула» приняла нас. Не как царей — как сотрудников. Но мы сохранили честь рода. И каждый аль-Мактум вступая во взрослую жизнь должен помнить: мы не просто работаем на корпорацию. Мы продолжаем путь каравана. Только теперь наш караван идет через облака.

За столом на несколько секунд повисла тишина нарушаемая лишь мерным гудением вентиляции. Потом Лейла не выдержав тихонько всхлипнула а Рашид закатил глаза но улыбнулся.

— Будь достойным человеком Умар — подытожила Айша пододвигая сыну чашку с дымящимся кофе — не опозорь фамилию.

— Постараюсь — ответил Умар пряча волнение за глотком напитка.

После завтрака он оделся в форму младшего технического персонала — серый комбинезон с синими вставками и эмблемой «Небулы» на плече. Форма была не новая слегка вытертая на локтях но чистая и отутюженная. В конце концов до сегодняшнего дня Умар числился помощником техника в пятом ангарном секторе обслуживавшем грузовые дроны. Год после окончания средней школы он провел среди манипуляторов смазывая шарниры и калибруя навигационные блоки и этот труд был обязательным для всех кто претендовал на поступление в высшие учебные заведения корпорации. «Небула» не жаловала бездельников.

До лифтовой площадки было полторы сотни метров по широкому коридору выложенному шумопоглощающими панелями. По пути Умар поравнялся с высоким зеркалом в серебряной раме, еще одна привилегия представительских этажей и на секунду задержался. Из отражения на него смотрел худощавый юноша с темными кудрявыми волосами, большими чуть навывкате карими глазами и упрямо сжатыми губами. «Ну давай — сказал он себе мысленно — караван идет через облака».

Лифт бесшумно поглотил его и унес вниз к уровню двухсотого этажа где размещался центральный экзаменационный узел.

Тестирование в Академию пилотов «Небулы» было событием о котором младшие сотрудники слагали легенды. Оно проводилось раз в квартал и из сотен претендентов отбирали не больше дюжины. Пилотом мог стать далеко не каждый: требовались безупречная реакция, пространственное мышление, абсолютное здоровье и что важнее всего совместимость с нейроинтерфейсами через которые пилоты управляли техникой — от легких конвертопланов до гигантских транспортных платформ вертикального взлета. Именно о последних Умар мечтал с детства: огромные размером с футбольное поле они зависали над пустыней неся на себе целые заводы или жилые модули и их пилоты считались элитой даже среди воздушников.

Экзаменационный узел представлял собой просторный зал без окон залитый холодным белым светом. Вдоль стен стояли симуляционные капсулы — герметичные коконы с ложемен- тами подключенные к мощным вычислительным кластерам. В центре возвышалась голографи- ческая консоль за которой дежурил сотрудник — мужчина лет тридцати с безучастным лицом сверявший данные с планшета. Когда Умар вошел в зале уже находилось человек двадцать пре- тендентов. Они сидели на скамьях вдоль стен нервно перешептываясь и лишь двое выглядели совершенно спокойными: светловолосая девушка с нашивкой стажера медицинского крыла и коренастый парень в форме наземной охраны.

— Аль-Мактум Умар — произнес дежурный не поднимая глаз. — Ячейка восемь. Ожи- дайте.

Умар занял место у капсулы с номером восемь. Она была чуть приоткрыта и оттуда пахло холодом и пластиком. Он провел ладонью по прохладному корпусу и усмехнулся про себя: совсем недавно он протирал почти такую же капсулу в ангаре а теперь ему предстояло доказать что его место внутри.

Через несколько минут голографическая консоль ожила. Воздух над ней сгустился фор- мируя женский силуэт — стройную фигуру в длинном одеянии расшитом геометрическими узорами. Лицо было совершенным но лишенным индивидуальности как у античной статуи. Голос зазвучал отовсюду одновременно мягкий и лишенный эха:

— Приветствую претендентов. Меня зовут Сафия. Я управляю производственным сек- тором «Небулы» и в частности всеми испытательными процедурами технического профиля. Сегодня вы пройдете три этапа: когнитивный скрининг, нейроадаптацию и симуляционный полет. На каждом этапе возможен отсев. Рекомендую расслабиться и довериться системе. Любые попытки взлома или неспортивного поведения будут пресечены.

Умар сглотнул. О Сафии он слышал с детства. Если Альба считалась верховным правите- лем и стратегом то Сафия была ее неустанной «сестрой» — искусственным интеллектом управ- лявшим всеми заводами, энергосистемами и транспортными потоками. Говорили она могла одновременно следить за каждой шестеренкой в каждом цехе и при этом вести светские беседы с директорами. В городе ее уважали и чуть-чуть побаивались — как и все что не имело физи- ческого тела но обладало безграничной властью.

Первый этап прошел быстро. Умара уложили в капсулу, зафиксировали датчики на вис- ках, запястьях и груди после чего перед внутренним взором развернулись бесконечные тесты: задачи на вращение трехмерных фигур, на вычисление траекторий, на мгновенное переключе- ние внимания между десятком движущихся целей. Все это сопровождалось легким белым шумом который как позже объяснила Сафия маскировал фоновую активность мозга мешав- шую считыванию. Умар справился. Когда капсула открылась его немного мутило но на голо- графическом табло горел зеленый допуск.

Ко второму этапу из двадцати двух претендентов осталось четырнадцать. Нейроадапта- ция была процедурой болезненной хотя и не опасной: через контактные пластины в мозг пода- вались микроимпульсы синхронизировавшие ритмы коры с частотой интерфейсного блока. Умар стиснул зубы и терпел. «Думай о платформах — повторял он про себя. — Думай о том как поведешь тяжелую „Гаруду" над горным хребтом». Перед глазамиплыли цветные круги, в ушах звенело но он выдержал.

Во время небольшого перерыва он стоял у автомата с водой и пытался унять дрожь в пальцах когда к нему подошла та самая светловолосая девушка.

— Тяжело? — спросила она с легкой усмешкой. Ее нашивка гласила: «Надя Ашкенази».

— Терпимо — ответил Умар. — А ты разве не на врача сдаешь?

— Я на пилота — поправила она. — Санитарные платформы, эвакуационные модули. Без пилотской лицензии к ним не подпускают.

— О так мы коллеги — Умар улыбнулся. — Если пролезем.

— Пролезем — уверенно сказала Надя. — Давай что ли держаться вместе. Говорят третий этап командный.

Третий этап и правда оказался командным. Их разбили на пары и усадили в вдвоенный симулятор имитировавший кабину среднего конвертоплана. Умару досталась роль ведущего пилота, Наде — штурмана и оператора систем. Задание было сложным: провести машину через смоделированный ущельный коридор с внезапными воздушными ямами, отказами двух двигателей и финальной посадкой на необорудованную площадку в условиях нулевой видимости.

Первые десять минут Умар чувствовал себя неуверенно — все-таки конвертоплан был не его профилем, он грезил платформами — но быстро освоился. Руки сами легли на сенсорные стики, взгляд безошибочно выхватывал критические показатели. Надя работала четко без суеты подсказывая векторы уклонения и контролируя баланс мощности. Когда симулятор содрогнулся от имитации попадания молнии и замигал аварийными огнями Умар инстинктивно перевел машину в авторотацию и мягко почти нежно опустил ее на каменистое плато.

Тишина. Потом голос Сафии сухой и бесстрастный:

— Тест завершен. Результат пары: успешно. Поздравляю пилоты.

Умар откинулся в кресле. Рубашка под комбинезоном промокла насквозь, в висках стучало но губы расплылись в улыбке. Он сделал это.

В гостиной его ждал накрытый стол. На сей раз не только кофе и лепешки — Айша старалась приготовив из продуктов настоящий пир: плов из баранины, сладкий кускус, пирожные с финиковой пастой. Вся семья собралась в полном составе включая даже дядю Самира старшего брата Холида который редко покидал свою лабораторию на сто пятидесятом уровне.

Умар едва переступил порог как Лейла и Марьям повисли на нем с двух сторон а Рашид стараясь сохранить серьезность крепко пожал руку.

— Я знал — сказал он негромко. — Ты же у нас упертый как верблюд.

— Сам ты верблюд — рассмеялся Умар и взъерошил брату волосы.

Холид поднялся из-за стола, перешел комнату и остановился перед старшим сыном. Несколько долгих секунд он просто смотрел вглядываясь в черты лица словно искал там отражение собственной юности. Потом положил ладони на плечи Умара и к немалому удивлению всех присутствующих прижался лбом к его лбу.

— Ты молодец, я горжусь тобой сынок, так держать — проговорил он тихо так чтобы слышал только Умар. — Никогда не забывай благодарить Всевышнего, за милости оказанные тебе.

Умар молча кивнул чувствуя как предательски щиплет в носу. Он не заплакал хотя хотелось. Вместо этого он обнял отца в ответ — крепко по-мужски как обнимаются два пилота после успешного рейда.

Айша наблюдавшая за сценой с другого конца стола тихо вытирала глаза уголком платка. Она ничего не сказала — слова были не нужны.

Ужин в тот вечер тянулся долго. Дядя Самир седой и рассеянный рассказывал о новых водорослевых штаммах которые его лаборатория адаптировала для фармацевтических реакторов но его то и дело перебивали. Рашид спорил с Лейлой о том кто быстрее соберет модель дрона — в итоге они разбили две вазы и Айша для вида посердилась а сама улыбалась. Марьям сидела тихо как всегда но в какой-то момент подошла к Умару и обняла его.

Когда за окнами сгустилась темнота и город-вертикаль зажег тысячи огней на своих ярусах семья еще долго не расходилась. Холид заварил особый кофе — по семейному рецепту передававшемуся из поколения в поколение — и в гостиной воцарилась та особенная уютная тишина какая бывает только после большого и счастливого дня.

Умар стоял у панорамного окна касаясь лбом прохладного стекла. Внизу на уровне тридцатого этажа проплыла вереница грузовых тележек подсвеченная синими габаритами. Справа

над морем мигали красные огни ветряков. А еще выше на орбите невидные глазу висели спутники и где-то в их сигналах, в потоках данных переплетались маршруты будущих полетов.

Он думал о платформах вертикального взлета. Огромных величественных способных нести на себе целую фабрику или госпиталь. Представлял как однажды сядет в пилотское кресло такой махины, положит руки на сенсорные панели и поведет ее над пустыней туда где за Красной линией расстилается неведомый мир. Это будет не скоро. Но первый шаг уже сделан.

— Умар хватит на звезды смотреть! Ложись спать завтра первый день в Академии а ты будешь клевать носом на инструктаже.

— Иду мам — отозвался он не оборачиваясь.

За спиной послышались шаги. Это Холид подошел и встал рядом тоже глядя в ночное небо. Несколько мгновений они молчали потом отец негромко произнес:

— Знаешь в чем разница между хорошим пилотом и великим? Хороший управляет машиной. Великий слышит ее как слышишь ты сейчас море — даже сквозь стекло. Не забывай об этом.

Умар повернулся, встретился с отцом взглядом и улыбнулся.

— Я запомню отец.

Он ушел в свою комнату а Холид еще долго стоял у окна вспоминая свои первые полеты и ветер с моря невидимый за стенами вертикали казалось пел ему в ответ старую бедуинскую песню. Песнь каравана идущего через облака.

Академия воздушного флота «Небулы» занимала отдельную башню к югу от основной Башни. Сто этажей стекла и углеволокна соединенных с жилыми ярусами скоростным тоннелем на уровне сорокового этажа. Со стороны особенно на рассвете здание напоминало гигантский кристалл, его грани ловили утреннее солнце и рассыпали по пустыне дрожащие зайчики. Ночью оно светилось собственным холодным неоном — маяк видимый даже с земель Египетского султаната.

Умар ибн Холид аль-Мактум ступил на платформу переходного тоннеля ранним утром первого дня Зу-ль-Каада. Этот месяц его семья по традиции считала благословенным для новых начинаний. За спиной висел рюкзак с пожитками: сменная форма, молитвенный коврик, ноутбук.

Ну вот и все — подумал он оглядывая пустой стерильно-белый вестибюль. — Обратной дороги нет. Только вперед.

Он пошел пешком к академии и через час стоял в огромном вестибюле башни.

Навстречу выкатился четырехколесный робот-администратор — белая тумба с сенсорным экраном на котором горело схематичное лицо: две дуги вместо глаз и скобка вместо рта. Экран мигнул и лицо сменилось на приветственную надпись.

— Курсант аль-Мактум Умар ибн Холид — произнес робот приятным баритоном. — Добро пожаловать в Академию «Небулы». Меня зовут Р 9000 я ваш администратор. Да не удивляйтесь меня назвали в честь одного из основателей IT-отдела. Он был шутником.

Мда невольно улыбнулся Умар.

— Ваш сектор — «синий», этаж пятьдесят четвертый, комната четыреста двенадцать. Девушки размещаются в северном крыле вы — в южном. Лифты отдельные и прошу запомнить: попытка проникновения в крыло противоположного пола без разрешения администрации карается трибуналом. У нас строго. Очень строго. Прошу сдать биометрию.

Умар прижал ладонь к сканеру. Теплая пластина считала отпечаток, рисунок вен и пульс одновременно.

— Отлично. Теперь слушайте правила курсант. Первое: конфликты между курсантами, драки, воровство, намеренная порча имущества, оскорбления на религиозной или национальной почве — трибунал. Наказание вплоть до высшей меры. Второе: опоздания на занятия — штрафные баллы. Три балла — пересдача. Три пересдачи подряд по любому предмету —

отчисление. Третье: генетическая модификация вирусом «Апекс N» является добровольной но контракт на нее вы подпишете до окончания первого семестра. Без модификации к полетам на тяжелых платформах не допускаются. Четвертое: в Академии нет преподавателей-людей. Вас обучают Альба и Сафия. Они всегда рядом. Даже когда вы этого не хотите.

Робот издал звук подозрительно похожий на смешок.

— Пятое: еда из автоматов сублимированная. Не пытайтесь жаловаться на вкус. Автоматы не обидчивы но и не отзывчивы. Шестое: на территории Академии действует система СКУД — контроль доступа. Ваша биометрия привязана к определенным зонам. Не пытайтесь зайти в другие сектора без допуска или в серверные ядра. Трибунал. Вопросы?

— Пока нет — ответил Умар чувствуя как внутри все сжимается от волнения и одновременно распирает от любопытства.

— Тогда следуйте к лифтам. Желаю продуктивного обучения курсант аль-Мактум. И передавайте привет брату.

Лифт оказался скоростным панорамным — задняя стенка прозрачная и за те несколько секунд что кабина неслась на пятьдесят четвертый этаж Умар успел заметить мелькающие ярусы.

Первым промелькнул медицинский факультет на двадцатых этажах: за стеклянными стенами виднелись ряды коек с манекенами для отработки операций, капсулы виртуальной реальности где будущие хирурги тренировались на голограммах и длинные столы с экранами ЭВМ. Чуть выше на тридцатом этаже располагался фармацевтический факультет — лес автоматических реакторов, перегонных колонн и биореакторов где в мутных жидкостях плавали водорослевые культуры. Студенты в зеленых защитных костюмах колдовали над планшетами и их движения казались замедленными как во сне.

На сороковом этаже шумел тактический факультет — просторный зал с огромной голографической картой где разворачивались трехмерные модели сражений. Маленькие фигурки пехоты, бронетехники и дронов перемещались по ландшафту и кто-то из курсантов окруженный товарищами громко обсуждал фланговый маневр. Еще выше — робототехнический полигон: стайка миниатюрных дронов-разведчиков кружила над полосой препятствий и андроид-инструктор с восемью манипуляторами корректировал их полет.

Производственный факультет на пятидесятом этаже. Там за стеклом двигались автоматические линии: конвейеры везли тесто, формовочные машины штамповали печенье а в огромных чанах что-то пенилось и булькало.

«И все это — внутри одного здания — подумал Умар прижимаясь лбом к прохладному стеклу. — Мы как муравьи в стеклянном муравейнике. Только каждый занят своим делом и никто не видит целого».

Лифт остановился на пятьдесят четвертом этаже и перед Умаром открылся длинный залитый белым светом коридор. Пол из матового композита мягко пружинил под ногами. Стены были прозрачными и за ними виднелись жилые модули — ряды одинаковых дверей с номерами. В конце коридора мерцала голубая лифтовая панель и рядом с ней стоял робот-клинер — стройная фигура на двух колесах протирающая стену щеткой.

Комната четыреста двенадцать оказалась небольшой но продуманной до каждой мелочи. Десять квадратных метров: кровать с охлаждающей простыней, встроенный шкаф с биометрическим замком, откидной стол, санузел — напор слабый но жить можно. У дальней стены — панорамное окно от пола до потолка. Сейчас оно показывало бескрайнюю пустыню и далекую полосу моря а если присмотреться — тонкую серую нитку границы с Султанатом Хиджаз.

На противоположной стене висел гибкий телевизор-панель транслирующий в реальном времени густой зеленый лес. Дубравы, ручьи, тенистые поляны — идиллия какой Умар никогда не видел живую. Позже он узнает что это заповедник где-то на планете где сохранились густые леса.

Умар бросил рюкзак на кровать, разулся и ступая босыми ногами по теплому полу подошел к окну. Прижался лбом к стеклу. Прохладное. Чистое. Пустыня внизу казалась безжизненной но он знал — там за горизонтом лежат финиковые рощи его предков, караванные тропы, колодцы вырытые прадедами.

«Отец бы мной гордился — подумал он. — Мама бы всплакнула. Лейла бы запустила подушкой. Интересно что сейчас делает Рашид? Наверное сидит над своими схемами и делает вид что не скучает».

Он отвернулся от окна и начал разбирать вещи. Молитвенный коврик — в тумбочку подальше от посторонних глаз. Планшет — на стол.

Первый учебный день начался с общего построения. Всех курсантов-пилотов тридцать шесть человек выстроили в огромном атриуме на сорок восьмом этаже. Потолок здесь был стеклянным но не прозрачным а матовым и сквозь него лился мягкий рассеянный свет. Стены тоже были стеклянными и сквозь них виднелись соседние ярусы: вот медицинский факультет — голографические симуляторы, операционные манипуляторы, студенты в зеленых халатах; вот генетики в герметичных боксах заставленных инкубаторами и секвенсорами. На дальнем плане этажом выше работал тактический факультет: вспышки голографических взрывов, схемы атак и кто-то отчаянно жестикулируя доказывал товарищам свое видение боя.

Повсюду сновали андройды. Одни везли контейнеры с оборудованием на тележках — те плыли над полом бесшумные и плавные как облака. Другие протирали стены и полы щетками.

Умар заметил Надю Ашкенази в строю девушек. Она стояла навтыжку но поймав его взгляд едва заметно улыбнулась уголком губ. Умар чуть кивнул в ответ — мол вижу тебя, рад что ты здесь.

Церемония открытия была короткой и безлюдной. Голос Альбы зазвучал отовсюду одновременно — из скрытых динамиков, из планшетов курсантов, из динамиков андроидов. Эмоциональный не лишенный интонаций успокаивающий.

На личный планшет выданный Умару с логотипом корпораций пришло сообщение: 12С аудитория.

На плоском экране всплыл герб академии и голос заговорил.

— Курсанты. Вы — стотысяча сто сороковой набор Академии «Небулы». Через два года обучения те кто выдержит программу получают звание офицера и бессрочный контракт. Расторгнуть его можно будет через десять лет службы. До этого момента ваше тело, ваш разум и ваше время принадлежат корпорации. С сегодняшнего дня вы — кадеты. Носите форму с честью. Нарушивших правила ждет трибунал. Откройте планшеты если вы согласны под каждым пунктом поставьте подпись тогда вы станете курсантами а после окончания будете сотрудниками корпораций.

И тут же из стен атриума выдвинулись секции с серыми комбинезонами — кадетская форма. Умар взял свой комплект. Ткань была плотной с серебристыми полосами на плечах и логотипом на спине, на рукавах пустые места с протекторами означавшими пока что отсутствие звания. Он провел ладонью по материалу — тот был прохладным чуть шершавым и пах синтетикой как все в этом здании.

— Пахнет будущим — прошептал он себе под нос.

— Что прости? — кто-то оказался рядом и смотрел на него с легкой усмешкой.

— Говорю пахнет будущим. Или озоном. Что в нашем случае одно и то же.

— Философ — фыркнул он. — Пошли переодеваться. Мне кажется размер мне маловат.

— Тебе все маловато — буркнул один из парней позади и несколько курсантов прыснули.

Жизнь в Академии оказалась расписана по минутам. Подъем в пять утра — и никаких поблажек. В первый же день Умар оценил насколько это серьезно: в пять ноль-ноль по комнате разнесся резкий звуковой сигнал похожий на крик сокола — специально подобранный чтобы невозможно было спать дальше. Если курсант не вставал в течение тридцати секунд в стене

открывалась панель и оттуда выдвигался манипулятор с холодной водяной форсункой. Умар слышал как в соседней комнате кто-то взвыл попав под ледяной душ.

— Доброе утро кадеты! — раздался бодрый голос Альбы. — Часовая тренировка в спортзале. Форма одежды — спортивная. Опоздавшие получают штрафной балл.

Спортзал находился на пятьдесят пятом этаже и занимал целый ярус. Беговые дорожки с изменяемым углом наклона — от ровной до почти вертикальной стены; силовые тренажеры с адаптивной нагрузкой; экзоскелетные рамы для тренировки глубоких мышц. В углу шведские стенки которые умели менять конфигурацию создавая новые маршруты для лазанья. Вдоль стен стояли голографические проекторы генерировавшие трехмерные модели мышц и суставов чтобы курсанты видели какие группы работают при каждом упражнении.

Умар встал на беговую дорожку, настроил умеренный темп и побежал. Рядом пыхтел коренастый парень с бритой головой. Его звали Фарук и он с первого дня невзлюбил Умара за что-то чего сам вероятно не мог объяснить.

— Что аль-Мактум думаешь фамилия тебе поможет? — прохрипел он не сбавляя темпа.

Умар удивленно покосился на него:

— Фарук мы с тобой даже не знакомы толком а ты уже пытаешься задеть. Может сначала добежим а потом поговорим? Или ты на бегу только гадости говорить и умеешь?

Фарук хотел ответить но в этот момент дорожка резко увеличила наклон и он вынужден был замолчать экономя дыхание. Умар усмехнулся про себя и прибавил скорость.

После тренировки — душ. Быстрый три минуты, вода строго дозирована. Потом завтрак в столовой на пятьдесят втором этаже.

Столовая оказалась просторной с рядами столов из белого композита и автоматами для сублимированной еды вдоль стен. Очередь двигалась быстро: курсант прикладывал ладонь к сканеру, выбирал меню на планшете и автомат выстреливал герметичную упаковку с пайкой.

— Что тут у нас сегодня? — пробормотал Умар разрывая упаковку. На этикетке значилось: «Говядина с рисом и овощами. Сублимат. Добавить 200 мл горячей воды».

Он залил воду из автомата, подождал минуту и открыл контейнер. Пахло... ну почти как еда. На вкус — как прессованное печенье с мясным привкусом. Умар жевал и вспоминал мамину кухню: ее плов с бараниной, сладкий кускус, пирожные с финиковой пастой. «Господи — подумал он — неужели я буду это есть два года? Мама бы меня убила если бы узнала чем меня тут кормят. Хотя... она бы сначала поплакала а потом уже убила».

— Не нравится? — Надя села напротив со своим подносом. — А я уже привыкла. У нас в медстажировке такие же были. Зато полезно. Белки, углеводы, никаких лишних жиров. Альба следит за нашим метаболизмом.

— Альба следит за всем — буркнул Фарук плюхаясь на соседний стул. — Даже за тем сколько раз ты жуешь.

— И это правильно — спокойно ответила Надя. — Пилот с плохим пищеварением — плохой пилот.

— Ты всегда такая занудная? — Фарук уставился на нее.

— Только когда вокруг идиоты — ласково улыбнулась Надя.

Умар расхохотался и сразу несколько курсантов за соседними столами обернулись на звук. Фарук побагровел но промолчал — видимо понял что с Надей связываться себе дороже.

Занятия начинались ровно в семь и длились до вечера с перерывами на обед и короткий отдых. Аудитории для первого курса находились на сорок шестом и сорок седьмом этажах. Умар вошел в первую — и замер на пороге.

Это был огромный амфитеатр с куполообразным потолком на который проецировалось небо настоящее живое с плывущими облаками. Ряды кресел поднимались полукругом и каждое кресло было оснащено встроенным планшетом и индивидуальной голопанелью. В центре

на месте преподавательской кафедры стоял только матово-черный цилиндр проектора. Никаких людей только тишина и мерцание голограмм.

— Никаких людей — прошептал Умар занимая место. — Совсем.

— А ты хотел чтобы дед с указкой стоял и мелом по доске скрипел? — хохотнул кто-то позади.

— Я просто не ожидал что вот так...

В этот момент свет слегка померк и над проектором соткалась трехмерная голограмма — вращающаяся модель конвертоплана «Мираж-9» детализированная до последнего винтика. Голос Альбы зазвучал одновременно из планшетов, проекторов и динамиков в стенах:

— Курс «Общая физика для пилотов». Тема первая: «Аэродинамика летательных аппаратов в условиях песчаных бурь». Откройте планшеты. Учебный материал загружен. После лекции — тест. Приступаем.

И Умар погрузился в учебу с головой.

Физика давалась ему легко — сказала отцовская школа где законы Ньютона учили на примере полетов. Кинематика, динамика, термодинамика, сопротивление материалов, аэродинамика все это было для него как поэзия. Он сидел уткнувшись в планшет и наслаждался логикой формул.

Рядом Надя иногда толкала его локтем и беззвучно просила помощи. Фарук сидел через два места и демонстративно не смотрел в их сторону но Умар краем глаза замечал как тот подглядывает в чужой планшет.

К вечеру они уже прошли три темы и сдали первый тест. Все сдали кроме одного курсанта из заднего ряда который кажется уснул на середине лекции. Альба немедленно отметила его и назначила пересдачу на следующий день.

— Один минус — спокойно констатировала Альба через динамик. — Первая пересдача. Через три — отчисление. Рекомендую высыпаться ночью а не на лекциях.

Курсант побледнел но возражать не посмел.

Курс «Навигация и связь» стал для Умара настоящим испытанием. Здесь требовались не только интуиция но и холодный расчет: работа с гиперпространственными картами, чтение сигналов уцелевших спутников — их осталось всего девять но Альба умела использовать даже их слабые отражения — кодировка и декодирование сообщений, протоколы связи в условиях помех. Умар сидел над задачами до полуночи иногда ругаясь шепотом — так чтобы не разбудить соседей за стеной. Но даже в эти моменты он не позволял себе вслух произнести что-то что могло бы оскорбить слух — привычка вбитая матерью с детства.

Однажды Надя подошла к нему после занятия по навигации и устало опустилась на соседний стул.

— Слушай Умар у меня голова сейчас взорвется. Объясни мне еще раз про трехточечную пеленгацию в условиях магнитной бури.

— Хорошо — он улыбнулся и пододвинул планшет. — Смотри. Представь что ты в пустыне и у тебя три колодца...

— О нет только не колодцы — простонала Надя.

— Нет ты послушай! — Умар рассмеялся. — Мой прадед говорил: «Если знаешь колодцы — не заблудишься». Вот три колодца — это три спутника. Ты меряешь расстояние до каждого. Там где три окружности пересекаются — там ты. Поняла?

— Поняла... — неуверенно протянула Надя. — Но почему у тебя всегда получается объяснить через пустыню?

— Потому что я из нее родом. Кровь песков помнишь?

— Помню. Кровь песков и будущий пилот. Ты все-таки решил на платформы?

— Да. Они огромные Надя. Как города. И летают. Ты можешь себе представить? Целый госпиталь — в воздухе. Или фабрика.

— Могу — тихо ответила она. — Я именно на такой хочу работать. Медицинская платформа. Там сто коек, четыре операционных и полный реанимационный блок. Мечта.

— Значит коллеги — Умар улыбнулся. — Два года — и мы в небе.

— Два года — Надя сверкнула глазами и тоже улыбнулась в ответ. — Надеюсь мы оба дотянем.

Курс «Тактическая подготовка» проходил на пятьдесят первом этаже в огромном зале который курсанты называли «Шахматной доской». Пол здесь был расчерчен на квадраты а над ними парили голографические модели местности: горы, пустыни, руины городов. Альба генерировала бесконечные сценарии боя — от мелких стычек с мутантами до полномасштабных операций прикрытия границы. Учили не просто стрелять и маневрировать а думать: оценивать силы противника, использовать ландшафт, рассчитывать логистику, предвидеть потери.

Фарук на этих занятиях расцветал. Его инстинктивное чутье на расстановку сил оказалось почти звериным и он быстро стал лучшим тактиком на курсе. Умар напротив чувствовал себя менее уверенно — его мозг был заточен на плавные движения платформы а не на динамику боя — но он компенсировал это упрством.

— Ты слишком жалеешь пехоту — однажды заметил Фарук после симуляции. — В реальном бою тебе придется жертвовать юнитами.

— Может быть — ответил Умар. — Но я попробую найти способ не жертвовать. Если я спасу раненых на «Авиценне» они потом вернутся в строй. А если я их брошу — никто не вернется.

— Идеалист — фыркнул Фарук но в его голосе не было прежней враждебности.

Инженерный курс вела не Альба а Сафия — ее голос звучал из планшетов когда они вскрывали виртуальные модели двигателей. Курсанты учились ремонтировать технику в полевых условиях имея лишь базовый набор инструментов: заменять блоки, диагностировать неисправности, паять платы. Умар любил эти занятия — они напоминали ему работу в Пятом ангарном секторе где он провел последний год перед поступлением.

В один из дней их повели на экскурсию в робототехнический корпус на сорок втором этаже — показать как собирают дронов. Там в огромном цеху конвейерные линии ползли словно металлические змеи а манипуляторы с лазерными резаками с ювелирной точностью вытачивали детали. Умар смотрел как рождается дрон от листа композита до готовой машины и чувствовал благоговение.

— Когда-нибудь — сказал он Наде — я буду управлять платформой которая несет такой цех.

— А я — той которая несет госпиталь — ответила она. — Представляешь встретимся в небе. Ты везешь завод я — больницу. Помашем крыльями.

— У платформ нет крыльев.

— Значит стабилизаторами. Не придирайся.

Месяц спустя начался курс выживания. Их загрузили в транспортный конвертоплан и выбросили в горах на севере анклага где проходила граница с Анатолийским халифатом. Полигон представлял собой скалистую долину с перепадами высот до трехсот метров, ледяным горным озером и почти полным отсутствием растительности. Три недели они жили в скалах и каждый день был испытанием.

Альпинизм стал первым экзаменом. Инструктор-андроид похожий на гигантского жука с восемью манипуляторами показывал как вязать узлы, как страховаться, как идти по вертикальной стене на одних пальцах. Умар схватывал на лету — предки-бедуины лазали по скалам в поисках колодцев и видимо эта способность передалась ему генетически.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.